

Классовая борьба

Александр Моисеевич Атабекян

1920

Борьба классов является краеугольным камнем в программах социалистических партий и, в частности, анархистской пропаганды. А между тем нет понятия более расплывчатого, чем *общественный класс*. Это обстоятельство, понятно, не могло не отразиться на практических проявлениях деятельности проповедников общественного обновления на началах справедливости. Если бы они дали себе больший труд глубже вникнуть в сущность классовых расслоений общества, то сколько варварских, бессмысленных и кровавых явлений, — как массовые расстрелы противников и заложников или бросание бомб в людных кафе и музеях, — не могли бы позорить великое учение общечеловеческой солидарности и взаимной помощи.

Из основного закона истории, — из борьбы классов, — современные проповедники и деятели социалистических учений делают вывод, что есть классы трудящиеся, *производящие*, и классы *паразитарные*, ничего общественно полезного не творящие, а лишь потребляющие плоды трудов первых.

Так ли просто на самом деле?

Чтобы понять сущность классовой борьбы и, следовательно, делать из этого основного закона правильные практические выводы, нужно выяснить, откуда произошли классы и *как они видоизменяются*.

„Надобности повседневной жизни, — говорит Элизе Реклю в своем историческом труде о „Человеке и Земле“ (стр. 72 рус. перевода), — требовали чрезвычайно разнообразного труда, а это разнообразие труда создало разнообразие типов людей“.

Разнообразие труда создало не только этнические, но и общественные типы или *классы*. Уже само происхождение классов указывает на их трудовую, общественно полезную природу.

Классификация людей на основании общественных контрастов, в основе которых якобы лежит усиленный труд одних и праздность других, имеет прежде всего тот существенный недостаток, что в ней не находит место вся огромная *преобладающая* масса промежуточных слоев.

Богатство и бедность — понятия относительные. Для нищего скромное положение сельского учителя тоже покажется завидным. Сколько можно указать приходских священников, особенно в глухих деревнях, семьи которых влачат жалкое существование.

А ведь духовенство в целом принято считать самым типичным эксплуататорским классом.

Разве плачевная практика русской яacobинской социальной революции не произвела новый класс „деревенской бедноты“, противопоставленный трудовому крестьянину, даже если последний не пользовался и не пользуется наемным трудом?

Относительны также понятия о *тpуде* и *пpазднoсти*.

Пусть для городских атеистов, которым доступны художественные театры, церковь не нужна. Но у простого народа есть тоже свои эстетические и духовные потребности. Если священник удовлетворяет эти потребности своим блестящим облачением, более или менее музыкальным пением, декламациями о трагической жизни Иисуса Христа и разных пророков и святых, — этих революционных новаторов былых времен, — то можно ли назвать этого, слишком вульгарного для развитых людей артиста, праздным паразитом?

Недаром современный театр возник из религии. До сих пор на мусульманском востоке, по образцу древнего театра, посреди площадей воздвигаются эстрады и на них, в известные сезоны (наподобие наших театральных сезонов), разыгрываются религиозные мистерии.

Чем же виноват сельский священник, что в деревне сохранился, наряду с примитивной обувью — лаптями, — и примитивный театр, обслуживаемый им, артистом этого театра?

Если вдумчиво всмотреться в роль низшего духовенства в жизни народа, то окажется, что этот класс, — пусть он изжит более высокой культурой, — не столь паразитарен, как кажется с первого взгляда, так как сейчас деревенской народной массе не доступны более высокие эстетические зрелища.

Если затем разглядеть расслоение самого духовенства на благоденствующих высших и на нередко бедствующих низших, и взвесить глухой антагонизм между ними, — антагонизм, заглушаемый дисциплиной и страхом лишиться куска хлеба, — то невольно выступает вопрос: где же здесь класс, единый в своих интересах?

Общность интересов не является характеризующим признаком класса.

Подобное же расслоение и противоречия в интересах наблюдаются и в других мнимо однородных классах.

Возьмем хотя бы пролетариат. Если под *пролетарием* понимать человека, продающего свою рабочую силу, умение и знания, то какая огромная разница между положением чернорабочего, мастерового и техника с высшим образованием, все трое продающих свою рабочую силу, быть может, одному и тому же частному хозяину или государству!

Эта разница не остается объективным фактом, не мешающим классовому объединению пролетариата. Она проявляется реальной борьбой между разными расслоениями его. Русская революция, по грубой разнузданности народных нравов, вскрыла этот антагонизм рядом жестоких насилий над техническими работниками, доходившими нередко до зверских убийств. Огульные гонения на работников умственного

¹ Любопытно отметить, что московский профсоюз зубных врачей, особым параграфом своего устава, закрыл доступ в союз дантистам, пользующимся наемным трудом, и все-таки не добился регистрации.

труда служат доказательством того, что это не было случайным, эпизодическим явлением в малосознательной среде. Наконец, не характерно ли, что Всероссийский Совет Профессион. Союзов упорно отказывает в регистрации профессиональным союзам медицинских и зубных врачей? А между тем, можно ли себе представить более тяжелый и ответственный труд, чем труд врача?¹

Где же здесь класс трудящихся, единый в своих интересах, противоположный классу эксплуататоров? Без классового объединения возможна ли классовая борьба в том виде, как общепринято это понимать?

Подобные же контрасты наблюдаются и в других классах. Возьмем хотя бы помещиков. Какая огромная разница между помещиком, лично ведшим хозяйство, вводившим всякие усовершенствования, новые виды плодовых деревьев и полезных растений, лучшие породы удойного скота, лошадей и т.д. — и все это перенималось постепенно населением, распространялось в округе и далеко за ее пределами; — и другим помещиком, получавшим только аренду и прожигавшим жизнь в городе или где-то там, на заграничных курортах?

Чтобы оценить всю общественно-полезную роль хозяйственных помещиков, достаточно сравнить породы скота у швейцарских крестьян, или даже у крестьян центральной России, с жалкими вырождающимися породами коров и лошадей у крестьян Закавказья, где образцовые помещичьи хозяйства большая редкость. А ведь современная проповедь классовой борьбы сваливает всех помещиков в одну кучу бесполезных эксплуататоров.

Возьмем затем капиталистов. Какая огромная разница между капиталистом, непосредственно руководившим своей фабрикой или заводом, неустанно следившим за ходом работ, обдумывавшим и вводившим разные улучшения в технической постановке производства, заботившемся о своевременной заготовке сырья и топлива, порой также запасов продовольствия для рабочих, и другим капиталистом, отрезывавшим только купоны ножницами от своих акций! А ведь отрезывал и до сих пор в капиталистических странах отрезывает купоны средний обыватель, кое-как сводящий концы с концами основным личным заработком.

Опять можно задать вопрос: где тут единый класс капиталистов? Можно ли назвать бесполезной, исключительно паразитарной распорядительную роль хозяина, его знания и опыт? Разве даже сами большевики, эти разрушители без оглядки всей хозяйственной жизни страны, не оставили под руководством, явным или замаскированным, Прохоровых, Брокеров, Сытиных и их „буржуазных“ управляющих налаженное ими же производство?

Общественный паразитизм в прямом смысле слова явление сравнительно редкое и далеко не классовое. Паразитарные элементы наблюдаются во всех слоях общества, в так называемых низших не реже, чем в высших. Жажда наживы, любостяжание, безделье, преступления, пьянство, разгул, страсть к азартным играм не составляют привилегию только привилегированных классов. Трудовой капиталист с таким же пренебрежением относится к паразитарным элементам своего класса, как и рабочий к своему товарищу-пропойце, как всякий душевно здоровый человек относится к бесполезному тунеядцу. Все классы тесно переплетаются между собой и вы встретите в одном и том же классе, будь то „высшие“, т.е. привилегированные, или низшие — чернорабочие, как общественно-полезные, трудовые качества, так и паразити-

ческие стремления. Строгое разделение общества на классы трудовые и праздные, эксплуатируемые и эксплуататорские — практически невозможно и при попытке провести в жизнь создает то застойное состояние, ту хозяйственную и моральную разруху, которые мы переживаем теперь и которые ведут с чрезвычайной быстротой к всеобщему понижению культуры.

Но если нет паразитарных классов в целом, то какая же причина общественных контрастов?

Причина в том, что не все общественно-полезные профессиональные категории извлекают равномерные выгоды из своего труда.

Владельцы больших капиталов, или распорядители ими, крупные землевладельцы, сановные чиновники былых времен и нынешние „ответственные работники“, люди, получившие высшее научно-техническое или артистическое образование, находились или находятся в относительно привилегированном положении, чем средние слои ремесленников, кустарей, крестьян, серых чиновников, народных учителей и т.д. Последние составляют своего рода аристократию по сравнению с чернорабочими, не владеющими ни средствами, ни особенными профессиональными знаниями, ни образованием.

Таким образом, социальное неравенство вытекает из неравенства между профессиональными слоями населения и то, что принято называть классовой борьбой, в сущности есть борьба одних профессиональных объединений и слоев за удержание своих преимуществ или за их расширение за счет других.

Борьбу классов нужно понимать преимущественно в переносном смысле слова, как Дарвин понимал — на это указывает Кропоткин — борьбу за существование. Объединение классов или *искание равновесия между ними*, такой же закон общественного развития, как и взаимная помощь для биологической эволюции. При общественном равновесии классы, умственно более развитые и морально более объединенные, пользуются преимуществами, привилегиями. Так, даже в „социалистической“ России, *по официальным тарифам*, рабочие разбиты на свыше 30-и категорий, и „квалифицированный труд“ высших чиновников в бюрократической иерархии оплачивается вдвое больше, чем труд чернорабочих (уж не говоря о более существенных косвенных преимуществах).

Преимущества одних профессиональных расслоений или классов не могли бы превратиться в тунеядство и эксплуатацию, а напротив, как проявление успеха в общественном разделении труда, служили бы общему благоденствию, если бы не одна особенность человеческого общежития, невыгодно отличающая его от животных обществ.

Классы более развитые стараются увековечить свои преимущества особой школой дрессировки и подчинения остальных классов, — школой, называемой *государством* или правительственной властью.

Только благодаря государственной системе прогрессивный закон классовой борьбы вырождается в разрушительные гражданские и международные войны.

Практический вывод из всего вышеизложенного тот, что борясь за уничтожение неравенства и упразднение привилегий, мы должны искать справедливое *равновесие* между профессиональными объединениями и слоями, а не стремиться к господству одной части населения — пролетариата физического труда — над всем обществом.

Всякое господство неизбежно ведет к созданию новых привилегий и нового паразитизма. Господство пролетариата не может иметь иных последствий. Современный строй России наглядно доказывает это.

Путь к разрешению социального вопроса не в неосуществимом упразднении классов и вместе с тем их соревнования — этого залога вещественного прогресса, — а в устранении организации, тормозящей свободное развитие и устанавливающей господство одних классов над другими, т.е. в уничтожении государственной власти.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Классовая борьба
1920

Скопированно 24 июля 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/20-10.htm#2>

ru.theanarchistlibrary.org